

Зооморфные символы как ресурс групповой идентификации в Республике Саха (Якутия)

Ольга Валерьевна Васильева
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, ovasiljeva.igi@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены зооморфные символы, которые лежат в основе современных процессов групповой самоидентификации в Якутии. Использован теоретический подход этносимволизма. Рассмотрено значение в качестве символов зооморфных образов тотемических представлений, а также животных хозяйственных комплексов Якутии. Показано, что для формирования общности в качестве этноинтегрирующего выбирается один образ.

Ключевые слова: этническая идентичность, зооморфные символы, животные хозяйственных комплексов, тотемические представления, лошадь, олень

Для цитирования: Васильева О. В. Зооморфные символы как ресурс групповой идентификации в Республике Саха (Якутия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 42–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Processes of ethnic identity construction in the Republic of Sakha (Yakutia): zoomorphic symbols as a resource of group identification

Olga V. Vasilyeva
Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Yakutsk, ovasiljeva.igi@mail.ru

Abstract. The article considers zoomorphic symbols that underlie modern processes of group self-identification in Yakutia. The theoretical approach of ethnosymbolism is used. The significance as symbols of zoomorphic images of totemic representations as well as animals of economic complexes of Yakutia is considered. It is shown that one image is chosen as ethnointegrating for the formation of community.

Key words: ethnic identity, zoomorphic symbols, animals of economic complexes, totemic representations, horse, deer

For citation: Vasilyeva O. V. Processes of ethnic identity construction in the Republic of Sakha (Yakutia): zoomorphic symbols as a resource of group identification // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 42–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Введение

Постсоветский период в России ознаменовался новым этапом роста этнического самосознания в национальных регионах страны. Процесс этот сопровождался наполнением "сферы символического" новыми символами, которые отразились в целом в процессах символотворения, в том числе и на уровне отдельных регионов.

Следует отметить, что в региональной политике идентичности постсоветского периода большое значение возымели зооморфные образы. В данной статье мы рассмотрим зооморфные символы, которые лежат в основе современных процессов групповой самоидентификации в Якутии, проанализируем, каковы основания у этих символов, какой исторический контекст они имеют и как это связано с дискурсом в таких научных дисциплинах, как история и этнография.

Теоретические основания. Многие теоретики социального конструктивизма, говоря о таких категориях, как нация, этническая группа, понимают их как современное политическое явление. При этом, как правило, указывается, что такие групповые образования, как этносы или нации, сами по себе не обладают некоей базой этноинтегрирующих факторов естественным образом. Они обретают ее по мере того, как упорядочивающееся и доминирующее в них население "этнизирывается", то есть представляется в прошлом или в будущем, как если бы оно образовывало естественное сообщество и обладало изначальной идентичностью, культурой, интересами более высокими, чем индивиды и социальные условия.

Исходя из вышесказанного, в основе идентичности наций должен оказаться набор неких символов, способных мобилизовать сообщество, позволяющих воспринимать группу как "глубокое горизонтальное товарищество" [1].

Соглашаясь с конструктористами, что нация – это современный феномен индустриального общества эпохи модерна, Э.Д. Смит указывает, что символы, формирующие современные нации, берут свое начало в этничности. В своей работе "Этносимволизм и национализм: культурный подход" он пишет, что социальная реальность немыслима вне символизма. Говоря о значении символов для группы, он указывает, что такие явления, как ценности, коллективная память, ритуалы, традиции, не только формируют солидарность общности, но и помогают обеспечить чувство преемственности с прошлым поколениями общности [14].

Теоретический подход (инструмент), который он обосновал, заключается в интерпретации транслируемых в группе элементов культуры, символов, мифов, легенд, генеалогий, а также материальных вещей, воспринимаемых в качестве символов. Эти символы являются мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнических сообществ.

В данной статье, исследуя процессы конструирования этнической общности якутов (саха), мы рассмотрим исторические основания современной политики идентичности на основе анализа зооморфных символов-объединителей, мы применим подход этносимволистов к анализу процесса формирования общности. В данной статье мы сконцентрируемся на проблеме зооморфных символов, используемых в политике идентичности для конструирования этнической идентичности якутов (саха). Покажем роль исторического и этнографического знания в данном процессе.

Тотемические культуры прошлого и символы этничности. Относительно зооморфных символов этнических групп следует отметить, что широкое пространство для политики идентичности могли бы представлять анималистические представления прошлого, зафиксированные первыми этнографами. Так, Г.Ф. Миллер указывает, что среди якутов почитаются главным образом орел и лебедь. На основании почитания данных зооморфных образов Г.Ф. Миллер типологизирует якутов следующим образом: батулинцы и хоринцы почитают орла. Намцы и относящиеся к ним волости почитают лебедя и орла. Остальные индифферентны, но все же почитают орла. Однако по результатам анализа других материалов его полевого дневника исследователи указывают, что информанты сообщали о наличии у якутов трех почитаемых тотемных животных. "Знатный шаман по имени Солук, родоплеменную принадлежность которого Г.Ф. Миллер не отметил (указано лишь, что он жил на р. Вилюй), разделил якутов на три группы, не уточняя, правда, их родоплеменной состав, следующим образом: некоторые якуты почитают орлов как божество, другие лебедей, третьи воронов. Воронов среди якутов почитают лишь хоринцы" [13]. Я.И. Линденау, будучи в Якутии в первой половине 40-х гг. XVIII в., также отметил, что роды коро главным образом почитали ворона [8, с. 18].

Позднее в работах мы видим, что у отдельных племенных групп исследователями указывается наличие почитания лошади. Так, указывается, что племя Ханалас почитали белого жеребца [9]. Эти этнографические сведения о тотемических представлениях могут быть отражением обряда жертвоприношения богам живыми конями, также зафиксированный Г.Ф. Миллером. "Это должны быть жеребцы или кобылы, но не мерины. После их посвящения они считаются священными. Никто не должен ездить на таком посвященном коне. Их не забивают, пока они не становятся совсем старыми. При забое выполняется особый ритуал" [13].

Позднее исследователи отмечали, что у представителей разных родо-племенных групп якутов тотемические представления различались [10], так в XIX в. 4 наслег Ботурусского и Баягантайского улусов почитали как предка орла (хотой) и льва (хахай). Племя Ханалас почитали белого жеребца, племя нам – лебедя (куба) [9], род Чорду – орла (хотой), род Бэти – лебедя, ворона (суор), род Осогостох – журавля (туруйя), род Оспех – лебедя, род Маймага – аиста, род Ботулу – орла и т.д.

В силу своего разнообразия и следующей из этого неспособности объединить коллективные общности разных родов, они со временем уступили свое

значение в формировании единой общности иным зооморфным символам – животным хозяйственных комплексов. Следует отметить, что схожие трансформации произошли и в культурах других народов Сибири, к примеру, в работах бурятских исследователей указывается, что именно способы ведения хозяйства, а для Бурятии это животноводство, привели к появлению национальных сельскохозяйственных животных.

Животные хозяйственных комплексов, проблемы утверждения коллективных идентичностей. В целом надо сказать, что исследователи склонны выделять в Якутии несколько этнолокальных групп якутов, чьи особенности обусловлены местом проживания. Такой географический детерминизм, который привязывает хозяйственные практики к ландшафту и его особенностям, действительно актуален для многих народов, ведущих натуральное хозяйство. Исследователи, анализируя такого рода явления, как правило, делают вывод о том, что мы можем ожидать, что этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, будет проявлять региональное многообразие институционализированного внешнего поведения.

Образ жизни якутов во многом также обуславливался характером занятой ими территории. Следует отметить, что в развитии хозяйственных практик якутов на разных территориях наблюдаются разные тенденции (доминирование той или иной хозяйственной специализации), которые позволяют исследователям говорить о формировании этнолокальных групп якутского этноса [12]. Как правило, современные исследователи склонны выделять якутов Центральной группы улусов, Вилюйской группы улусов, а также Северной группы улусов [Данилова]. Главным фактором дифференциации тут выступают способы ведения хозяйства с выделением преобладающего типа хозяйства – скотоводческого, оленеводческого или промыслового (охота, рыболовство). Есть и некоторые иные трактовки, так В.В. Ушницкий выделяет больше этнолокальных групп с учетом большего числа особенностей ведения хозяйства в соответствии с природными ландшафтами местности [12].

Два типа согласно этнолокальным особенностям выделялось Г.В. Ксенофоновым. По его мнению, "якуты на протяжении всего исторического периода, освещаемого четкими писаными документами, распадаются на два обособленных отдела, а именно: на скотоводов, размножающих конный и рогатый скот, и на оленеводов, в хозяйстве которых охота и рыболовство играют не меньшую роль, являясь его конститутивными элементами" [7]. Первую группу он называет южными якутами или якутами-скотоводами, а вторую – северными якутами или якутами-олeneводцами. Эта последняя трактовка особенно интересна, поскольку с нею связаны различные теории этногенеза саха, где тип хозяйства и соответственно взаимодействие с разными животными является одним из принципиальных моментов.

Соглашаясь в том, что предки якутов имеют южное происхождение, имеются различия в представлениях о том, как территория Якутии была заселена. Одна из версий (в настоящее время являющаяся доминирующей) сообщает, что первой была заселена территория Лено-Амгинского междуречья, вторая о том, что первой была заселена территория Вилюя. При этом важным оказывается значение хозяйственных комплексов – оленеводства и скотоводства. Согласно первой теории, переселившись на территории Лено-Амгинского междуречья, скотоводы и коневоды якуты, лишь в последствии продвигаясь на север, переняли у тунгусов оленеводческое хозяйство. Вторую теорию предложил историк Г.В. Ксенофонов. Он считал, что существование самобытного оленеводческого ответвления якутов, занимающего в настоящее время самые северные пределы Якутского края, убеждает в том, что якутская колонизация на Лене могла начаться и началась с переселения туда в ранние исторические эпохи этих оленеводов, одновременно охотников и рыбаков, которые представляли собой обьякученных тунгусов со значительной примесью отунгусившихся по быту монгольских и якутских родов. На базе этой культуры и могла возникнуть значительно позже колония якутов-скотоводов [7]. Последующие волны переселенцев-скотоводов вытеснили их к северу. В виду указанных данных обитателей озера Ессей, бассейна Оленека, Жиганского и Усть-Янского улусов он относит к якутам первой волны, в то же время указывая, что якуты-скотоводы часто называли их тунгусами. Согласно Г.В. Ксено-

фонтову, тунгусами некоторых якутов стали называть в силу хозяйственных практик. Схожее мнение выражает И.С. Гурвич, который пишет, что с распространением якутов-оленоводо в тундровой зоне в северных и в виллойских улусах, термин "тунгус" стал употребляться в качестве синонима "кочевника-оленовода". Этнического смысла в этот термин якутское население не вкладывает, рассматривая эвенков, переписанных тунгусами, в отличие от якутов-скотоводов, как совершенно чужую, неродственную оленеводам-якутам, народность [5].

По мнению Гурвича И.С., такая традиция возникла в Виллойском округе, видимо, в период работы Второй ясачной комиссии, так как по "Уставу об управлении инородцами Сибири" к разряду бродячих были отнесены все кочевые оленеводы, и якуты, и тунгусы. Этнографические наблюдения, так же как и все приведенные выше документальные исторические данные, неопровержимо свидетельствуют об этническом единстве населения Северо-Запада Якутии и о принадлежности его к якутам.

Существует и мнение академика А.П. Окладникова. Имея в виду тюркское происхождение терминов оленеводства таба 'олень', тугут 'оленок до года', буур 'оленьбык', Окладников заключает, "что какая-то часть предков якутов была в соприкосновении с племенами Саяно-Алтайского нагорья, занимавшимися разведением северных оленей и ездившими на них, или даже прямо входила в число этих племен. Может быть, у них тоже в глубокой древности существовало свое оленеводство, имевшее независимое от тунгусского происхождения" [11, с. 292].

Антонов Н.К., изучивший основы-термины по якутскому оленеводству в сравнительно сопоставительном плане, приходит также к выводу, что "Материалы якутского языка подтверждают предположение о существовании у якутов своего оленеводства с глубокой древности, имевшего независимое от оленеводства северных народностей происхождение" [2, с. 65].

Надо отметить, что самоназвание якутов саха также объясняется некоторыми учеными от древнеиранского сака (олень), тотемного самоназвания ираноязычных племен Средней Азии. Слово saka = sakh дословно с древнеиранского переводится как "ветвь" или "ветвистый". На древнеиндийском оно передается через sakha "ветвь" [4]. Эту связь со скифо-сибирской эпохой исследователь объясняет участием в этногенезе якутов отореченных этногрупп индоиранского происхождения, имевших связи с пазырыкцами древнего Алтая [3, с. 14–15].

Таким образом, в якутской этнографии представлены разные мнения о значении и влиянии оленя и оленеводческого хозяйства на формирование этнической истории якутов (саха), и в том числе на хозяйственные практики одной из этнолокальных групп. Тем не менее в процессе национально-культурного доминирования стали символы скотоводческой культуры, и в настоящее время культура якутов почти полностью ассоциируется только с коневодческим и скотоводческим хозяйством, образ оленя вытесняется из общественного сознания на периферию этноинтегрирующих факторов.

При этом, как указывает историк Г.П. Башарин, значение конного или крупного рогатого скота в разные периоды времени также отличалось и выражалось в разных жанрах устной культуры. По его мнению, произведения олонхо являются духовным отражением подвижной кочевой жизни скотоводческих элементов якутского народа в степях Южной Азии, их постепенного передвижения на Севера и оседания на Средней Лене и на Амгино-Ленском плоскогорье. С переходом же к оседлости Башарин Г.П. указывает на то, что олонхо перестал быть основным духовным отражением якутской жизни, уступив свое место историческим преданиям. Произведения исторического жанра якутского фольклора представляют собой продукт более позднего этапа в развитии устного творчества якутов. Они отражают природу и общественную действительность новой родины якутских скотоводов. Скотоводство рисуется в нем скромным по масштабам, но в то же время подчеркивается хозяйственное и экономическое значение рогатого скота, дойной коровы [2].

Политический дискурс современности и зооморфные символы этничности. В настоящее время в массовом сознании современного населения Якутии лошадь и олень четко сепарированы как символы между якутами и иными коренными малочисленными общностями Якутии. Современные

представления о том, какие животные и какие типы хозяйства являются символами этнической культуры, усилились под влиянием процессов становления этнического самосознания в 90-е гг.

Об этом хорошо написала Е.Н. Романова, говоря о том, что в 90-е годы произошла реактуализация якутской мифологии. Мифосимволическое описание используется в политическом языке нациестроительства. Она приводит в пример обсуждение в СМИ эскиза герба Республики Саха. Внимание к этому проекту было привлечено в ходе обсуждения конкурсных заявок, поскольку в разработке атрибутов государственности могли принять участие как профессиональные, так и самодеятельные художники. Отмечается что большая часть предлагаемых на конкурс эскизов тогда была представлена животным миром Арктики (олень, мамонт, тюлень, морж, стерх и т.д.) и не вписывалась в политический дискурс. Известный всем нам ныне герб был предложен группой художников и искусствоведов с тем, чтоб связать культурную память с современной национальной историей. Центральный образ – это всадник на лошади [11].

Действительно, сейчас, говоря о якутской культуре и ее символах, наиболее устоявшимся является образ лошади. В 2022 г. сотрудниками молодежной лаборатории ИГиПИМНС СО РАН было проведено социологическое пилотное исследование в некоторых районах Якутии, которые как раз ассоциированы, в том числе с тем, что помимо разведения крупного рогатого скота, коневодства в данных районах было представлено и оленеводство. Исследование показало, что "олень" как символ якутской этнической культуры воспринимается очень редко. Такое мнение высказали 5 респондентов из Горного Верхоянского, Верхневиллюйского и Таттинского районов. Абсолютное большинство считает, что животное, имевшее наибольшее значение для развития якутского народа, – это лошадь (105 ответов). Второй по популярности ответ – корова, крупный рогатый скот (63 ответов). Интересно то, что на выборке коренных малочисленных народов, несмотря на довольно широкое проникновение якутской культуры, наибольшее число ответов о символе этнической культуры набрал ответ олень.

Заключение

Несмотря на то, что в России якутов считают оленеводами, в массовом сознании народов, населяющих Якутию, оленеводство и скотоводство четко разделены между якутами и малочисленными народами, такими как эвенки, эвены. Таким образом, животные, их образы становятся участниками политического дискурса, используются для нациестроительства и формирования представлений об этнических группах, политике идентичности. Тотемические представления прошлого в силу их дифференциации не могут выступать в качестве символов, способных объединить этническую группу, и выражают в настоящее время идентичности локальных, районных общностей. Коллективные идентичности нуждаются в этноинтегрирующих образах символах, и в настоящее время такими начинают выступать животные хозяйственных комплексов, и на примере Якутии мы можем видеть почти полное разделение животных хозяйственных комплексов, таких как олень, лошадь, между разными этническими группами. Наши современные представления об этнических группах, хотя и имеют реальную базу, укорененную в ландшафте, тем не менее отчасти формируются и под влиянием этнографической литературы, современных политических процессов, в том числе таких, как утверждение герба, флага.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288с.
2. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 172 с.
3. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии / Башарин Георгий Прокопьевич; [предисл. и ред В. Н. Иванова; примеч., коммент. Н. Г. Башариной, Г. В. Башариной]; Ин-т гумани-

тар. исслед. Акад. наук Респ. Саха (Якутия). М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 1: Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. 443 с.

4. Гоголев А.И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев; М-во культуры Респ. Саха, Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 149 с.

5. Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. 255 с.

6. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. С. 26–27.

7. Данилова Н.К. Доминантные символы пространства: ландшафт и социум (этнолокальные модели на примере якутского народа // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. Новосибирск, 2014. С. 254–266.

8. Зориктуев Б.Р. Якутские хоролоры: кто они? (к проблеме этнической идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 119–127.

9. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: очерки по древ. истории якутов. Т. 1. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. 414 с.

10. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

11. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.

12. Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1929. 461 с.

13. Попов Г.А. Следы анимизма и тотемизма в верованиях якутов / Г. П. [Б. м.: б. и.], 1914. 24 с.

14. Романова Е.Н., Игнатъева В.Б., Дьяконов В.М. Степная сага коневодов арктики: от древних времен до недавних событий // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 9–19.

15. Ушницкий В.В. Формирование магистральной якутской культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 158–170.

16. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. Вып. 21. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.

17. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York: Routledge, 2009. 184 p.

References

1. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism / Trans. by V. Nikolaev; Introduction by S. Bankovskaya. M.: "CANON-press-C", "Kuchkovo field", 2001. 288 p. (In Russ)

2. Antonov N.K. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1971. 172 p. (In Russ)

3. Basharin G.P. The history of agrarian relations in Yakutia / Basharin Georgy Prokopyevich; [preface and edited by V. N. Ivanov; No.te, comment by N. G. Basharina, G. V. Basharina]; In-t of humanitarian research. Academy of Sciences Rep. Sakha (Yakutia). Vol. 1: Agrarian relations from ancient times to the 1770s. M.: Art-Flex, 2003. 443 p. (In Russ)

4. Gogolev A.I. Yakuts: (problems of ethnogenesis and culture formation) / A. I. Gogolev; Ministry of Culture Rep. Sakha, Yakut State University named after M. K. Ammosov. Yakutsk: Publishing House of YSU, 1993. 149 p. (In Russ)

5. Gogolev A.I. The origin of the Sakha people and their traditional culture. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2018. 255 p. (In Russ)

6. Gurvich I.S. Culture of the Northern Yakut reindeer herders: On the question of the late stages of the formation of the Yakut people. M.: Nauka, 1977. P. 26–27. (In Russ)

7. Danilova N.K. Dominant symbols of space: landscape and society (ethno-local models on the example of the Yakut people // Horsemen of Northern Asia and the birth of an ethnos: ethnogenesis and ethnic history of Sakha. Novosibirsk, 2014. P. 254–266. (In Russ)

8. Zoriktuev B.R. Yakut khorolors: who are they? (on the problem of ethnic identification) // Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2011. No. 2 (46). P.119–127.

9. Ksenofontov G.V. Uraanghai-sakhalar: essays on ancient history. the stories of the Yakuts. Vol.1. Yakutsk: National Publishing House of the Republic Sakha (Yakutia), 1992. 414 p. (In Russ)

10. Lindenau Ya.I. Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and geographical materials about the peoples of Siberia and the Northeast. Magadan: Publishing House, 1983. 176 p. (In Russ)

11. Okladnikov A.P. History of the Yakut ASSR. Vol. 1: Yakutia before joining the Russian state. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 430 p. (In Russ)

12. Pavlinov D.M., Vitashevsky N.A., Leventhal L.G. Materials on customary law and public life of the Yakuts. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929. 461 p. (In Russ)
13. Popov G.A. Traces of animism and totemism in the beliefs of the Yakuts / G. P. 1914. 24 p. (In Russ)
14. Romanova E.N., Ignatieva V.B., Dyakonov V.M. The Steppe saga of Arctic horse breeders: from ancient times to recent events // Ethnographic review. 2016. No. 4. P. 9–19. (In Russ)
15. Ushnitsky V.V. Formation of the main Yakut culture // Ethnographic review. 2012. No. 5. P. 158–170. (In Russ)
16. Elert A.H. New materials on the pantheon of Yakut gods and spirits in the first half of the XVIII century (article 1) // Public consciousness and literature of the XVI–XX centuries: Collection of scientific papers. Issue 21. No.vosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 107–124. (In Russ)
17. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York: Routledge, 2009. 184 p.

Информация об авторе

Ольга Валерьевна Васильева, канд. полит. наук, старший научный сотрудник отдела этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, e-mail: ovasileva.igi@mail.ru

Information about the author

Olga V. Vasilyeva, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnosociology, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia, e-mail: ovasileva.igi@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2024

Received 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 14.02.2024

Approved 14.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Accepted 25.02.2024